

18+

девочка по имени
НИКИТА
ВИКТОР УЛИН

Виктор Улин

НИКИТА. Девочка по имени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69800338

ISBN 9785006063488

Аннотация

Мир, в котором существует шестнадцатилетняя школьница Таня, выбравшая себе ник «НикитА», поистине ужасен. Там сквернословят и лгут, насилюют и убивают, не верят друзьям, не надеются на родителей, но все-таки как-то живут. Ведь жизнь дается один раз, и каждый человек пытается сделать ее лучше, чем есть. И при наличии сильного характера даже никому не нужная сирота может вырваться на свет. На пути к счастью героиня вынуждена совершать разные поступки, которые не каждому покажутся допустимыми. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	9
3	15
4	19
Глава вторая	21
1	21
2	31
3	34
Глава третья	52
1	52
2	57
3	63
4	69
5	71
Глава четвертая	75
1	75
2	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

НИКИТА

Девочка по имени

Виктор Улин

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-6348-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Если будут наступать на меня злодеи,
противники и враги мои,
чтобы пожрать плоть мою,
то они сами преткнутся и падут.»*

(Пс. 26:2)

Глава первая

1

– Да не ссы ты, Никитка! Ничего хуже того, что уже есть, с тобой не случится.

– С чего ты взяла, Ведьмочка?

Я бодро взглянула на высокий «точечный» дом с наглухо закрытым подъездом.

Мою спутницу звали Раисой.

А меня не какой-то чукчанской «*Никиткой*» – нормальным именем Таня.

Но мы настолько привыкли к соцсетям, что даже в разговоре называли друг друга по никам.

Выбранная Райкой «*Ведьмочка*» казалась мне примитивной: отдавала дешевой компьютерной игрой со стальными латами на голых телесах и кроличьими ушами, торчащими из-под шлемов.

Я захотела быть НикитОй, хотя в жизни не держала оружия. Но регистрируясь, я сделала ошибку. Точнее – элементарно опечаталась, задела пальцем лишнюю букву. Все такие вещи делаются впопыхах, я куда-то спешила, будто за мной гнались черти, ничего не проверила, не глядя активировала аккаунт.

А когда, спустя достаточное время, я все заметила и поправила ник, меня уже конкретно звали Никиткой.

Но я-то сама знала, что между Никиткой и НикитОй – большая разница.

– Хоть убей, если пойму, кто такой этот дядя Коля, – продолжала я. – И что ему от нас нужно.

– Про дядю Колю я тебе сто раз говорила, – ответила Ведьмочка. – Обычный старик, которому иногда хочется сладкого. Но приличный и знает все, что можно. То есть чего нельзя. Он тебя пальцем не тронет. Просто посмотрит на нас с тобой голеньких, вот и все. Ну, в общем ты меня поняла.

– В общем да, – я вздохнула. – Поняла.

Ведьмочка была слишком вредна, чтобы ждать от нее связных объяснений.

– Да и вообще ты там не суетись, – снисходительно сказала она, поднимаясь по выщербленным ступенькам крыльца. – Молчи на подхвате и делай, что тебе скажут. Вся работа моя. Но деньги пополам, ты двести пятьдесят рублей положишь в карман и благодари Модельку, что у нее сегодня месячные.

– Уже благодарю, – ответила я. – Сейчас споткнусь от благодарности.

Ведьмочке я до конца не верила.

Впрочем, я не верила никому.

Ни в нашем «10Б» классе, ни еще где-нибудь.

Верить могли благополучные люди, у которых завтра будет точно таким же, каким было вчера, не говоря про сего-

дня.

Я к подобным не относилась.

Но об этом не хотелось думать. И я не думала, насколько могла.

– Между прочим, я могла позвать кого угодно, – ответила Райка.

– Ну да, конечно.

Кивнув, я подумала, что с Ведьмочкой и ее подругой Аней-Моделькой не стала бы связываться ни одна нормальная девчонка.

Просто я нуждалась в деньгах как никто – и пошла бы куда угодно, если мне пообещали заплатить.

Только Татьяна Ларина кривила нос на каждом шагу, поскольку жила без забот и печалей.

Но и она в конце концов вышла замуж за престарелого генерала.

– Но я выбрала тебя, потому что...

Почему Райка выбрала именно меня, я не услышала.

Она склонилась к домофону, застучала по кнопкам, потом запиликал сигнал вызова.

– Кто там? – раздался из панели глуховатый мужской голос.

– Это мы, дядя Коля! – закричала Ведьмочка. – Рая с подружкой. Открывайте.

– Уже открыл, – ответил тот.

Мне стало страшно.

Но всего на чуть-чуть.

2

– Держи, – сказала одноклассница, протягивая две бумажки по сто рублей.

– А еще пятьдесят? – спросила я после того, как спрятала их и застегнула сумочку.

– Пятьдесят пойдут мне. Я хочу воды попить. Куплю сейчас.

– Договор был про поровну.

Одноклассница промолчала.

– Ты понимаешь это слово: по-ров-ну?

Она пожала плечами, очень прямыми под расстегнутым дорогим плащом.

У меня такого никогда не имелось.

– Или ты хочешь, чтобы я рассказала всему классу, что за двести рублей ты сосешь член мужику, который старше твоего отца?

– Ты не расскажешь, – с угрозой в голосе возразила Веньмочка. – Тем более, что никто никому ничего не сосал. Она сунул нам деньги на пороге и выгнал вон. Разве нет?

– Расскажу, и еще как, – возразила я. – Придумаю такое, чего тебе и в голову не придет. И не только расскажу – запошу в инете, с твоими фотками, и разошлю по всему миру.

– И тебе все поверят, – она усмехнулась. – Распахни пи-лотку пошире.

– Обоссись кипятком, еще как поверят, – я усмехнулась в ответ. – Ты прекрасно знаешь, что люди – суки. Если я напишу, что ты спасла собаку из горящего дома, никто не поверит. А если расскажу, как тебя трахала обезьяна – найдется еще десять человек, которые это тоже видели.

– А я скажу...

– И еще я приаттачу фотку твоих обспусканных трусов, – перебила я. – Как знала заранее, прихватила запасные, твои подменила, а ты даже не заметила.

Ведьмочка охнула, она была готова упасть в обморок.

– Ладно, расслабься и получи удовольствие, – сказала я, выждав положенное. – Я типа пошутила. Нет у меня твоих трусов и никто тебя не обспускивал. Тебя так просто взять на понт, что даже неинтересно.

– Ну ты и блядь, Никитка, – одноклассница перевела дыхание. – Кто бы мог подумать...

– Блядь – это ты, – спокойно ответила я. – Кто из нас каждый день ходит по дядям Колям, Мишам, Сашам и Гришам? Я сегодня заработала этим делом один раз, и то ничего не делала. А думать тебе нечем.

Желто-зеленые глаза Ведьмы блеснули недобро, но не меня ей было пугать.

Я не боялась ничего вообще, поскольку моя жизнь могла назваться жизнью лишь условно.

– В общем так, Рая из сарая, – сказала я, остановившись. Следом за нами шел какой-то трендово подстриженный

парень – не приближался и не отставал, держался на одинаковом расстоянии.

Сегодня было тепло, я надела мини-юбку – чуть выходящую из-под моей старой, потерявшей цвет куртки с вьетнамского рынка – и фирменные черные колготки «*Gabriella Lopez*», на которые в свое время откладывала черт знает как долго.

Раздеваясь у дяди Коли – а потом одеваясь обратно – я страшно боялась их порвать или зацепить, потому что другие получилось бы купить неизвестно когда.

Эти имели имитацию трусиков и чулок с кружевными краями – и даже резинок, идущих от пояса. А в промежутке под трусиками они были такими тонкими, что мои ноги казались натурально голыми.

Охламон, скорее всего, любовался мною сзади, но его присутствие стало напрягать.

Тем более, сейчас у нас с Ведьмочкой шел жесткий разговор, в котором я должна была ее согнуть.

Пятьдесят рублей стоил проезд на маршрутке сюда и обратно.

Я не собиралась отдавать стерве даже такую малость.

Тем более, что, в отличие от нее, с «карманными» деньгами у меня было туго.

– Лечи свою нетраханную Модельку, со мной этот номер не прокатит, – отрезала я.

Парень прошел мимо нас.

Увидев меня спереди, он едва не свернул шею.

Бюстгальтер на мне был старый, уже маловатый.

Укладываясь в него, я брала обе груди за соски и вытягивала поверх чашечек.

После такой процедуры мой бюст минут десять казался вдвое более пышным, чем есть.

А сейчас прошло всего пять и парню было на что посмотреть.

– Или ты мне отдаешь полтос, или пеняй на себя.

– Как бы тебя саму не попиннали, Никитка, – сквозь зубы процедила Ведьма.

– Я все сказала.

Я подняла палец и помахала перед ее носом.

– Приедешь домой, сразу загляни в инет.

Я одернула юбку и вперед нее зашагала к остановке.

На спине ценителя моих ляжек краснел объемистый рюкзак, с него свисал стильный брелок в виде мохнатой медвежьей лапы со стальными когтями.

Правда, когтей было всего три, а я знала, что даже у кошки их четыре.

– Стой! – позвала одноклассница.

– Стою, – сказала я и обернулась.

– Дядя Коля дал пятисотку, а у меня нет пятидесяток.

Она сдалась так легко, что я удивилась.

Впрочем, удивляться было нечему: Райка жила в нормальной семье с приличными родителями и недостатка в сред-

ствах не испытывала.

По старикам со своими услугами она ходила – я поняла это за один раз – от нечего делать.

А также наверняка получала удовольствие, когда на моем месте была Моделька, не испытывающая отвращения к ее телу.

– У меня есть, – примирительным тоном сказала я.

Со своей спутницей я ссориться не хотела.

Меня, конечно, ни капли не испугали ее угрозы, просто я вообще не любила ссориться.

– У меня больше нет сотен, – почти жалобно ответила Ведьмочка. – Только бумажки по штуке и дяди Колины полтонны. Эти две были единственные.

Насчет человеческих качеств одноклассницы я не ошиблась: она хотела отделаться от меня двумя бумажками по сто, а пятьдесят присвоить.

Это было нормально; чем больше денег человек имел, тем больше хотел.

– Вон смотри, там армян торгует фруктами, – сказала я, увидев впереди «Газель» со снятыми колесами, превращенную в киоск. – Сейчас у него разменяем.

– Это не армян, а грузин, – возразила она.

– Какая разница? все они на одно лицо.

– И он не станет менять денег.

Даже загнанная в угол, Ведьмочка продолжала сопротивляться.

– Менять не станет. Купим по яблоку и он даст сдачу.
Своего я привыкла добиваться.
Всегда, везде и во всем.

Дома я сняла свою жуткую куртку, но в целом переодеться не стала.

Поездка с Ведьмочкой заняла все утро, сейчас времени осталось только поесть вчерашнего супа и идти в школу.

Если бы я разделась, то захотела бы прилечь на кушетку, а это погрузило бы в сон, из которого трудно вынырнуть.

Правда, я сменила колготки: сняла Габриелу, быстро постирала и повесила в ванную сушиться.

В школу я надевала обычные бежевые, купленные в «Фикспрайсе» – дешевые даже на вид, но крепкие.

Черные я берегла, как зеницу ока, но сегодня надела зря. Мерзавка Ведьмочка ничего конкретного не рассказывала, я не имела понятия, что захочется неизвестному дяде Коле.

Я была готова на все, что угодно.

Со свой драгоценной девственностью – которую в нормальных странах продают на интернетских аукционах – я рассталась давно.

Одним прекрасным летом мама устроилась судомойкой на одну турбазу и взяла меня с собой.

У мамы там случился летний роман с привратником возле шлагбаума, я вошла во взрослую жизнь.

Все произошло очень легко, по моей воле – в тот момент,

когда мне самой захотелось.

В школе я держала себя порядочно, а развлекалась на стороне, имея компанию, не связанную по жизни.

Но секс сам по себе не представлял для меня особой ценности или бесценности: все шло под настроение.

Идя к дяде Коле, я думала, что после «А» стоит рассчитывать на «Б», ведь он платил за свои удовольствия.

Во всяком случае, я была готова, что старик попросит красиво раздеться, для того и надела самые лучшие колготки.

Но мы освободились от одежды в другой комнате, к нему вышли уже «голенькие», как выражалась Ведьмочка.

Она сыпала уменьшительными так, что меня тошнило.

Раздевшись за сценой, я подумала, как обрадовать его своим телом.

Я даже спросила Ведьму, не стоит ли мне намазать соски или написать поперек живота неприличное слово.

Но этого не потребовалось.

На самом деле дядя Коля мне понравился.

Я ожидала увидеть какого-то вонючего, обрюзгшего и тонконового, белопузого слюнявого старикашку, вид которого вызывает омерзение.

Однако хозяин оказался совсем другим.

Он был высоким, поджарым, собранным, и если бы не глубокие морщины на сухом лице и седые волосы, подстриженные ежиком, я могла бы принять его за человека, который старше всего лет на десять.

Впрочем, Ведьма говорила, что этот дядя какой-то бывший военный – чуть ли не генерал – и привык держать себя в порядке.

Я в это поверила.

То, что мы ходили к нему для оказания услуги, ничего не значило.

Ведь даже самый серьезный генерал оставался мужчиной и имел право на простые удовольствия.

Мне понравилось в дяде Коле абсолютно все – даже то, что он не курит.

Сигаретного дыма я не переносила.

На его этаже меня сшиб с ног запах дрянного табака, хлынувший со всех сторон.

Я подумала, что военный генерал прокурил себя насквозь, и приготовилась превозмогать тошноту за двести пятьдесят рублей.

Но от него пахло только кремом для бритья и хорошим дезодорантом.

Когда мы вышли от дяди Коли, сделав свое дело, на площадке между лифтом и мусоропроводом я увидела дегрода в дырявых трениках.

Он курил у приоткрытого окна и скидывал пепел в обожженную жестянку из-под растворимого кофе. Название порошка я не различила, только заметила белую ладонь с отставленным большим пальцем.

«Народная» марка меня раздражала, поскольку сама себя

я считала человеком и к какому-то усредненно приглаженному «народу» никогда не причисляла.

В этот момент я подумала, что на месте отставного некурящего генерала давно бы взяла этого курильщика за шкуру и вышвырнула из окна.

Головой вниз – чтобы мозги брызнули по асфальту.

Если бы кто-нибудь прочитал эти мои мысли, то ужаснулся.

Ведь мне – шестнадцатилетней девочке – положено было быть доброй, нежной, чувствительной.

Смотреть на мир широко открытыми ясными глазами, умиляться пчелкам, перелетающим с абрикоса на абрикос, и видеть все в светлых тонах.

Но сам мир смотрел на меня не светло.

Я одевалась, как шлюха, выражалась, как грузчик из супермаркета «*Полушка*», и вела активную жизнь.

То есть была современной школьницей на все сто.

Прежде чем идти на кухню и разогревать себе обед, я решила стереть губы.

Достав из шкафчика ватный диск, я разорвала его пополам.

Хотела бы я посмотреть на женщину, которая снимает макияж половинкой ватного диска, не имея возможности тратить целый, и при том смотреть с добром на этот мерзкий мир.

Да и диски были самыми дешевыми. Ведьма такими стала бы только протирать сапоги перед выходом из дома.

Сняв помаду, я посмотрелась в зеркало.

Наверное, я считалась красивой.

Лицо мое имело правильные черты, ни одной лишней и в то же время всего хватало.

И, несомненно, кто угодно сказал бы, что я – умная.

Свой ум я знала, училась хорошо без малейшего напряжения, хотя знала, что мне это не нужно, поскольку об институте речи не шло.

Но уж доброй меня бы не назвал даже полный дурак.

Я редко улыбалась, всегда ходила, плотно сжав губы, а мои очень темные глаза никого не пропускали внутрь.

Доброта и моя жизнь были несовместимы.

Называйся моя жизнь доброй, я бы не выбрала себе та-

кой ник.

Назвалась бы какой-нибудь «*Красотулей*». Или «*Белоснежкой без гномов*».

Никита определяла меня полностью.

Причем не только потому, что в нем были все буквы моего имени, кроме «Я».

Я ощущала себя именно Никитой и никакой другой.

Чистым уголком половинки стерев брови, я повернулась влево-вправо, наклонила голову вверх и вниз.

Лицо мое было недобрым, но чистым.

Регулярный секс служил залогом красоты.

Девчонки тратили немереные деньги на притирки, но все равно ходили с прыщами на щеках.

А я была чиста и светла без усилий.

Но все-таки подумала, что завтра утром зайду в «*Магнит-косметик*» и на заработанные двести пятьдесят рублей куплю мицеллярную воду.

Такая бывала у мамы, я ею слегка пользовалась и мне нравилось: от нее кожа делалась шелковистой.

Мне, конечно, не волновало, как меня воспринимают со стороны, хотелось ощутить это для самой себя.

Подумав о воде, я подумала, что до завтрашнего утра предстоит пережить остаток сегодняшнего дня и сегодняшней вечер.

Последнее не то чтобы являло проблему, но...

Глава вторая

1

Моя семья была своеобразной.

Если, конечно, ее вообще можно было назвать семьей.

Во всяком случае, родиться в такой я бы не пожелала даже Гитлеру.

Только в дешевых сериалах все семьи как на подбор идеальны.

Наша являлась ячейкой общества, а в этой стране общество состоит из скотов.

Правда, эту истину я поняла относительно недавно.

Сейчас я заканчивала десятый класс и мне было шестнадцать лет.

Своего отца я не помнила.

По маминым рассказам, он был неплохим, но бесхарактерным человеком.

Его профессии – то есть того, что определяет человека – я не представляла.

Но иллюзий на этот счет не строила.

Моя мама не имела специальности, школу закончила на тройки – которые являлись двойками – не знала и не умела ничего. Учиться дальше она не пошла – причем не по-

тому, что это было дорого, как сейчас, просто мамыны умственные способности были ниже плинтуса.

Полагаю, что она не смогла бы выучиться даже на швею-мотористку.

Всю жизнь мама выполняла тупую неквалифицированную работу, на какую берут лишь тех, кто не годен ни на что: была и кондуктором и почтальоном и диспетчером в ЖЭКе.

Сейчас она устроилась оператором на бензозаправку, там делала то, на что годна дрессированная обезьяна.

Наверняка отец тоже был не пришей кобыле хвост, потому что нормальный человек не только бы не женился на такой женщине, как моя мама, но даже не плюнул бы лишний раз в ее сторону.

Мои мысли о родителях, конечно, шли в другую сторону от того, чем терли уши и в школе и по телевизору и в Интернете.

Своих родителей я не уважала, поскольку уважать их было не за что.

Но если мама все-таки несла некоторую ответственность за семью – то есть за меня – то отец был человеком отстойным.

На месте мамы я бы не пошла за такого замуж даже под пистолетом.

Отсутствие образования и достойной работы отец возмещал пьянством.

Когда мне было пять лет, он с компанией таких же друж-

ков: сторожей, нелегализованных охранников, грузчиков и дворников – поехал на зимнюю рыбалку. Насчет рыбы сказать трудно, но водки там хватило с лихвой.

Всю ночь в дощатом сарае, который стоял на берегу то ли реки, то ли озера, шла пьянка, а наутро один из компании оказался мертвым.

Мама полагала, что он просто напился до полусмерти и замерз во сне, но милиция подумала иначе.

Дружная команда алкашей распалась на кучку зверей, каждый из которых пытался избежать капкана и загрызть остальных.

Поскольку мой отец оказался самым никчемным, на суде всю тяжесть взвалили на него.

Моего родителя обвинили в убийстве с *«отягчающими обстоятельствами»*.

В делах мама была такой же инфузорией, как и он, об адвокатах понятия не имела, да и денег не имела тоже – ему дали двадцать лет в колонии строгого режима.

Впрочем, все это я описала складно согласно нынешним представлениям, а те времена полностью стерлись из памяти.

То есть у меня остались какие-то смутные тени прошлого, но осознанно я привыкла расти без отца.

Что такое *«расти без отца»* в наше время, вероятно, объяснить не стоит.

У меня, конечно, имелся компьютер – старый и тормозной, с монитором, напоминающим ящик из-под водки –

и кнопочный мобильный телефон образца прошлого века. Но такие вещи являлись необходимыми для современности, без них я бы просто не могла существовать и даже такая дура, как моя мама, это понимала.

Но во всем остальном я жила в нищете, не могла сравниться со сверстницами ни в одежде, ни в косметике.

Не имея профессии, мама никогда не зарабатывала серьезных денег.

На двоих их не хватало. И, кроме того, мама очень много тратила на собственную красоту.

Я ее понимала: у меня все было впереди, а маме вот-вот предстояло угасание.

Но, конечно, в таких условиях доброты во мне не могло развиваться даже грамма.

К одноклассникам – равно как и к товарищам на стороне – я относилась спокойно, без ненависти и фанатизма.

Я смирилась, что должна пережить начало своей жизни так, как меня к этому присудили.

А дальше я должна была сделать себя сама.

Неизвестно как, но устроить жизнь совершенно иначе, чем родители.

Я не сомневалась, что это получится.

Должно было получиться.

Многие девчонки моего возраста торговали своим телом.

Я сама думала, что лучше быть проституткой, чем жить в нищете при гулящей маме.

Но знакомые говорили, что проституция не приносит реального дохода, поскольку в этой стране женщин больше, чем мужчин, и действует не спрос, а выбор.

Поэтому я решила, что пойду иным путем.

Я знала, что не остановлюсь не перед чем и перешагну через кого угодно ради своих целей, даром что их еще не определила.

С определенного возраста я стала проклинать весь белый свет за то, что мне с моими способностями и внешностью выпало родиться в моей семье.

Таким отбросам, как мои родители, следовало запретить иметь детей, чтобы они не умножали число нищих и несчастных.

Я верила в себя и только в себя, но перемены к лучшему прятались где-то впереди.

А пока я жила с мамой.

Точнее, существовала рядом с ней в отдельной квартире, состоящей из единственной комнаты на первом этаже двухэтажного строения – старого «засыпного» полубарака.

Комната была большой, двухоконной, площадь ее составляла метров сорок, если не пятьдесят. Таких жилых помещений я больше не встречала.

Кажется, наш дом был единственным во всем городе: построенным непонятно когда и непонятно кем и изначально имевшим гораздо больше внутренних перегородок.

Каким образом нам досталась эта квартира, я понятия

не имела, но мама изредка упоминала бабушку с ее стороны. И вроде бы все это досталось от него – равно как и мой ум, который не мог перейти ни от нее, ни от отца, поскольку оба родителя были одинаково безмозглыми.

Что ко мне перешло от отца, я не знаю; возможно, он все-таки действительно убил собутыльника и НикитОй я себя чувствовала не зря.

А красоту мне дала мама; в ней не было вообще ничего, кроме красоты.

Как я поняла с определенных пор, мама вообще могла стать актрисой. Правда, не глубокой, типа Скарлетт Йохансон, а пустышкой вроде крашеной дуры Монро.

Но мама была столь глупа, что не стала даже актрисой.

Моя красота отличалась о маминой.

Мама напоминала хорошо напомаженную, отбеленную и обработанную миндальным пилингом куклу в ровненьких кудряшках.

А меня однажды назвали мрачной и почти трагической, хотя черты были теми же самыми.

Разумеется, мама ни о чем таком не задумывалась.

Свою красоту она использовала простейшим образом.

То есть, будучи женщиной здоровой и почти молодой – поскольку меня родила в девятнадцать лет, то есть находилась на середине четвертого десятка – непрерывно меняла поклонников.

Вернее, сожителей, которые появлялись у нас.

Если учесть, что все жили в одном помещении, то сильно распространяться о некоторых особенностях моей жизни не стоит.

Размеры нашей комнаты позволили до некоторой степени обособляться.

Мне выгородили двумя шкафами бессветный закуток у входа – справа от двери в углу.

Там поместились письменный стол с компьютером и кушетка, на которой я спала, большего не требовалось.

Я могла проскользнуть к себе и выбраться обратно незамеченной для большей части комнаты, у себя меня не было видно и я тоже не видела ничего.

Но шкафы, естественно, не доходили до потолка, и поэтому я слышала все: и разговоры и брань и ритмичный скрежет кровати и стоны.

Мама меня не стеснялась: в постели с мужчиной она забывала обо всем.

К тому же она выпивала – немного, но регулярно. Должно быть, общая любовь к спиртному в свое время свела их с отцом.

Ни один приходящий «отчим» не задерживался у нас дольше, чем на полгода.

Каждый из них, несмотря на ее очевидные внешние и внутренние достоинства, стремился найти женщину с более пригодными жилищными условиями – или хотя бы без детей.

Маму это не напрягало.

Она любила новизну, а один и тот же мужчина надоедал так же, как единственная пара туфель.

Но когда я сделалась старше, то стала ей мешать. Это я ощущала чем дальше, чем сильнее.

Причем речь шла не о том, что мама начала меня стесняться. Все обстояло совсем наоборот.

Я стала мешать ей как женщина женщине.

Ведь, как уже говорила, развиваться я стало рано.

Я быстро поняла, что любой нормальный мужчина отличается женщину, которая занимается сексом, от девушки, которая им не занимается. Причем даже если женщине тринадцать лет, а девушке – сорок три.

Поэтому мамыны кавалеры с определенного момента стали безошибочно распознавать во мне существо, с которым при условии договоренности допустимо все.

А мое тело, конечно, было более свежим, чем у мамы.

Едва в нашем доме появлялся новый мужчина, как я замечала взгляды, скользящие по моим ногам, пытающиеся проникнуть в вырез домашнего платья или выискивающие границу трусиков на моих ягодицах.

В начале пути я относилась к таким знакам неадекватно.

Точнее, адекватно образу нецелованной школьницы, какой я должна была быть.

Правда, дальше знаков внимание не шло – кроме одного случая, произошедшего, когда я училась в седьмом классе.

Мамы – которая работала не помню где – не было дома, а я собиралась в школу.

Стояло послеобеденное время: в тот год я начала учиться во вторую смену.

Сожительствующий с ней Михаил – не то шофер, не то экспедитор – был на больничном, тихо лежал на кровати и смотрел телевизор.

Он подгадал момент, когда я сняла домашнее платье и собралась натянуть школьное: возник в моем закутке и набросился зверем.

От неожиданности я сначала онемела и не оказала сопротивления.

Но потом пришла в себя.

Когда Михаил, держа меня одной рукой за оба запястья, второй расстегнул брюки, я извернулась и нанесла удар коленкой.

Опыт общения с мужчинами на тот момент у меня имелся.

Я любила секс, но никогда не позволяла ничего без моего согласия, умела сопротивляться и знала, куда надо бить.

Схлопнувшись, как телефон-раскладушка, претендент на мою недевственность выскользнул вон, а я принялась одеваться.

На самом деле этот Михаил мне в общем нравился.

Статный и красивый, он почти не пил.

И, надо сказать, я его понимала: выносить запах юной дев-

чонки целыми днями и даже по ночам в «шаговой доступности» при том, что с ее матерью ничего серьезного не связывает, было не лучшим испытанием для здорового мужчины.

Проведя полдня в неудобном старом лифчике, поскольку пришивать оторванную застежку к новому не было времени, я вспоминала эпизод.

И впервые думала, что мамыны сожители тоже люди, равно как и я тоже человек.

Но додумывать до конца я не стала, потому что к вечеру на левой груди проявился синяк.

Я показала это маме – она не стала ничего обсуждать, но Михаил исчез, как будто его никогда не было.

Все-таки мама меня любила.

Следующий – Анатолий – появился у нас лишь через три недели и меня не трогал.

Как не трогали и все последующие.

Но после Михаила я стала ощущать, что мама рассматривает меня как конкурентку. И в общем ее понимала: ведь она все-таки уже шла вниз, а я поднималась вверх.

Хотя, конечно, о моей жизни мама не догадывалась. Она была слишком занята собой, а я умела все скрывать.

В последнее время я понимала, что мама спит и видит, как дотянуть меня до восемнадцати лет и выпихнуть замуж.

Все равно за кого – лишь бы освободить квартиру и остаться на свободе со своими мужчинами.

2

Сейчас у нас жил очередной мамин поклонник – Олег.

Он отличался от прочих тем, что при мамином умственном уровне ею интересовались мужчины с внешностью Ивана-дурака, а этот выглядел благородно.

И вообще Олег казался почти интеллигентным человеком.

С ним можно было приятно поболтать, чем я и занималась, сидя вечерами на кухне.

Во время разговора он пялился на мои коленки.

Но они у меня были настолько красивыми, что если бы мужчина на них не смотрел, я бы обиделась.

Мама относилась к нему серьезно – причем, как мне казалось, заслуженно.

Как-то раз, изрядно приняв шампанского, мама сказала, что Олег готов на ней жениться.

Я не была уверена, что это так, но мама не шутила подобными вещами. Да никто и не нравился ей самой так сильно в качестве потенциального мужа.

Про отца мама никогда не вспоминала, его словно не было.

Когда его посадили, мама оформила развод и выписала из квартиры. Кажется, она даже не ездила в Удмуртию на свидание с ним.

Мамина глупость не распространилась до непонимания факта случайности своей связи с этим человеком. Крест на себе она не поставила и хотела выйти замуж еще раз, начать другую жизнь.

Я тоже этого хотела.

Честно говоря, мне надоело слушать мамины оргастические стоны и вдыхать запахи, текущие из-за шкафов.

Я все чаще стала думать о том, что ничем не хуже других и имею право на нормальную жизнь.

Хотя и понятия не имела, как могу обустроить эту жизнь — отдельно от мамы, чисто для себя.

Олег был разведен.

У него имелась крошечная не то квартирка, не то комнатка в другом районе. Я надеялась, что в случае маминой женьтибы молодые останутся у нас, а меня отселят туда с пенсией, минимальным для выживания.

Я была готова оказаться хоть за тридевять земель, питаться развесными крабовыми палочками и учиться в какой угодно школе, лишь бы меня никто не трогал.

Жить при маме мне надоело.

И еще больше я чувствовала, до какой степени мне надоели сверстники. Меня стало тянуть к взрослым мужчинам.

Видимо, я прошла время молодости, не выйдя из юности, и подросткового мне уже не хватало.

При этом допускать что-то с приживающими мужчинами я не могла: маму я не уважала, но расстраивать не хотела.

Лучшим вариантом для меня оказалось бы переехать куда угодно, найти взрослого состоятельного любовника, который иногда подкидывал бы денег, и жить в свое удовольствие.

Я не сомневаюсь, что за такой взгляд на жизнь меня назовут проституткой.

Но на самом деле проституткой является любая замужняя женщина, которая зарабатывает меньше мужа и живет за его счет – штамп в паспорте ничего не меняет.

Однако и с Олегом в отношении мамы все обстояло непросто: он ни с чем не спорил, но ничего не предпринимал.

У меня сложилось мнение, что с мамой он переживает какой-то необходимый кусок времени – типа карантина после чего-то нехорошего – а потом махнет хвостом и найдет подругу помоложе.

Похоже, мама думала так же, потому что изо всех сил пыталась укрепить его около себя.

В стремлении создать семейный комфорт она отселила меня на кухню.

По ее указанию Олег купил узкий диван, раскладывающийся вперед, и поменял дверь комнаты на более глухую.

Теперь ночью будущие молодожены уединялись вдвоем, а я спала на кухне, благо она тоже была большой.

3

– Школа – отстой, учителя – уёбки.

С чувством помотав головой, я поставила одну ногу на сиденье стула.

Домашнее платье задралось донельзя, моя белая ляжка сияла ярче старомодного кухонного светильника.

Мама отсутствовала в ночной смене, с ее намечающимся мужем мы остались вдвоем до самого утра.

Это меня не напрягало.

Наш старый дом врос в землю, цоколь ушел под асфальт, крыльцо подъезда имело всего одну ступеньку.

Окна тут были огромными, многопереплетчатыми, квартира – комната и кухня – представляла собой аквариум, выставленный на панель.

Днем мы жили за плотным тюлем, как в гробнице под саваном. С наступлением темноты и включением света сетчатая ткань не помогала, приходилось задергивать тяжелые пыльные портьеры в палец толщиной.

Они полностью отъединяли утлое убежище от окружающего мира.

И если в этот момент за непроглядными окнами не вопили пьяные и не бухала музыка из чьей-нибудь машины, становилось непонятно: на первом этаже мы находимся, или где-то на крыше, или вовсе в глухом подвале.

А иногда казалось, что это уже тот свет, а не этот.

Сейчас мы с Олегом сидели на кухне и гоняли чай, в последнее время я пристрастилась к таким вечерам при маминном отсутствии.

Кухня, насмерть задраенная и освещенная тусклым горшком на витом шнуре, напоминала отсек подводной лодки, каким я его представляла.

К этому стоило добавить, что Олег мне нравился. По крайней мере, мне было с ним интересно.

И более того – принимая душ при отсутствующей по ночному дежурству маме, я не защелкивала задвижку на ванной двери.

Я знала, что Олег близко – то ли на кухне, то ли в комнате, то ли в коридоре.

Но была уверена, что он ко мне не вломится, даже не заглянет в щелку.

Хотя относительно последнего... я предпочла бы не говорить, не будучи способной разобраться в своих желаниях.

В последние времена я все чаще не понимала саму себя.

По возрасту Олег относился к поколению родителей: он был года на три старше мамы, то есть приближался к сорока – и мне было положено обращаться к нему на «*вы*».

Что я и делала в первое время, но потом как-то переключилась к «*ты*» и стала обращаться с ним как с ровесником.

Во всяком случае, рядом с ним я не фильтровала свой лексикон.

И, кроме того, не опасалась сиять перед ним разными частями своего тела.

Я почему-то знала, что он не сделает со мной ничего против моей воли.

– Школьные учителя – уёбки по определению, – подтвердил Олег.

Я кивнула.

Я была совершенно согласна.

Школу я не любила, учителей ненавидела.

Ни один – точнее, ни одна – из них не мог дать мне ничего полезного.

– Во-первых, учитель всегда прав и потому никогда не относится к себе критически. А во-вторых, у него нет развития. Каждые пять или шесть – или сколько там в нынешней школе – лет возвращается к дебилам прежнего возраста.

– Это ты точно, – я кивнула еще раз. – Насчет дебилов. И вообще школа мне нафиг не нужна.

– Согласен. Вместо того, чтобы учить выживанию в условиях России, непригодной для нормального человека...

– И от залёта по дурусти, – вставила я.

– И от него тоже... – Олег вздохнул. – До сих пор, насколько я знаю, заставляют читать всякую чепуху вроде *«Героя нашего времени»*.

– Ну да. *«Княжна Мери мечтает о хере»*. Но это еще не все. Ты даже не представляешь, какая лабуда стоит в школьной программе. В седьмом классе, например, мы

изучали «*Василия Теркина*».

– Да уж... Слов нет.

– Правильно, – я с чувством кивнула. – Пустая трата времени. То же самое, как бы заставили ватными дисками мыть школьный коридор.

– Не ты одна считаешь, что нынешнее обязательное среднее образование – миф.

– Какое образование? – устав сидеть с поднятой ногой, я снова расположилась по-нормальному. – Класса до восьмого еще чему-то как бы учили. Весь девятый зубрили к ОГЭ, как автоматы. В десятом вообще было не пойми что. В одиннадцатом, не сомневаюсь, будет то же самое ради ЕГЭ, одна показуха и больше ничего.

– По большому счету, нынешний школьный аттестат лучше просто купить. А время, освободившееся от школы, отдать изучению того, что нужно – не у пенсионерок в вязаных платьях, а в интернете.

– Слушай, Олег, очень умная мысль. Ты вообще гораздо умнее, чем я думала.

Я расправила платье на коленях.

– Ты кто, вообще? Я ведь про тебя ничего не знаю.

– В каком смысле «кто»? – переспросил мой потенциальный отчим. – Я...

Замолчав, он поднял с блюдца чашку, расписанную синим по белому, отхлебнул, поставил, помолчал еще.

– ... Человек.

– Я вижу, что ты – человек, а не обезьяна, – подтвердила я. – Кто ты по жизни? Кто ты есть? Кем ты сейчас работаешь? Вопрос девчонки серьезному мужчине мог казаться бредом.

Но я заботилась о будущем своей мамы.

И, ясное дело, о своем.

– Когда воротимся мы в Портленд, мы будем кротки, как овечки...

– задумчиво проговорил Олег.

– В какой Портленд? – не поняла я и закинула ногу на ногу.

В таком положении мои коленки были хороши.

– Да ни в какой. Бывшая жена любила петь эту песню и у нее был ангельский серебряный голосок.

– Она была маленькая?

Вопрос вырвался сам собой.

– Чуть ниже тебя. И грудь у нее была меньше.

Обсуждение моих форм не выходило из формата общения.

Мы были взрослыми людьми и могли не скрывать друг от друга, что у каждой женщины есть грудь и они все разные.

– Но вообще очень на тебя похожа. В профиль – один-в-один.

– А как ее звали?

– Светлана. А что?

– Да ничего. Так, чисто для информации.

– Не знаю, сколько лет прошло с тех пор, а я иногда по ней тоскую...

По лицу Олега проскользнула тень.

Наверняка его бывшая жена Светлана была в тысячу раз лучше моей никчемной мамы, мне стало его очень жалко.

– ...Извини, что-то на меня нашло, это дела не касается.

Олег провел рукой по глазам, стирая тоску.

– А кем я сейчас работаю, даже говорить не хочется. Считай, что никем. Хотя когда-то кем-то был. А сейчас я сущее никто.

– Ты не никто, – возразила я и опять приняла свою любимую позу. – Ты мне нравишься.

Я сидела достаточно близко к столу, Олег со своей стороны не мог видеть мои черные трусики, открытые сползшим подолом.

Но даже если бы и увидел, меня это не волновало.

– Ты мне тоже нравишься, – ответил он, без стеснения глядя на мою грудь под натянувшимся домашним платьем. – И даже очень...

– Спасибо, – перебила я.

– Пожалуйста. Но речь не о том, обо мне.

– Ну да, о тебе. Так кем ты когда-то был?

– Когда-то я учился в Авиационном, на факультете АСУ.

– «АСУ» – это что такое?

– Автоматические системы управления. По-нынешнему, «Ай-Ти».

– Круто, – я опять опустила ногу на пол. – Не шучу, серьезно.

– И я не шучу. Было очень серьезно, учили по-настоящему, причем не только софту, но и по железу... Понимаешь такие слова?

– Понимаю, – подтвердила я, подумав о своем предсмертно завывающем компьютере. – Ты молодец.

Не отвечая, Олег вздохнул.

Заметив, что его чашка пуста, я поднялась, выплеснула заварку в туалет, ополоснула кипятком, насыпала новую, сделала новый чай..

Я делала это спокойно и привычно.

При прочих маминых сожителях я снимала лифчик только ночью и днем очень страдала от тесноты.

С Олегом у нас установились доверительные отношения, при нем я ходила полуголая, в одних лишь трусиках под платьем.

Но это входило в формат нашего общения. Мы словно уже пережили что-то – или были готовы пережить.

На самом деле Олег нравился мне настолько, что я удовольствием замутила бы с ним.

Я не делала этого лишь из опасения расстроить намечающийся мамин брак.

– Спасибо, – сказал он, насыпав себе сахара. – Но я не мо-

лодец. Молодец был бы, если б выучился и имел диплом. А так... остался не пойми кем.

– Отчислили за «хвосты»? – догадалась я, имея некоторый опыт общения со студентами.

– Хуже.

Олег глубоко вздохнул.

– Сам ушел.

– Почему?

– Потому что был дурак и... уши холодные.

Он помолчал.

В кухне пахло дешевым чаем и моими нагревшимися подмышками, которые пора было брить.

– Мое студенчество пало на девяностые годы, самый их угар. Помнишь, что это было за время?

– Откуда...

Я поправила под платьем грудь.

Не для того, чтобы поиграть с Олегом, а для своего удобства.

Еще топили, в квартире было жарко, мои несравненные прелести прилипали к телу и под ними становилось потно.

Несмотря на любовь к своему прекрасному телу, иногда я завидовала мужчинам, которым неведомы подобные проблемы.

– ...Я же ровесница века. Когда родилась, все уже отгорело и пепел развеяли с моста на Миссисипи.

– Так тебе что – всего шестнадцать? – Олег встряхнулся,

внимательно взглянул в мое лицо. – Надо же, как-то упустил из виду.

– А что? – я усмехнулась. – Это так важно? Ты собрался жениться не на маме, а на мне?

– Нет... – он кашлянул с некоторым смущением. – Просто...

Я встала, прошла к окну, заглянула за шторы, плотнее прикрыла форточку. Теплый май гнал комаров, по ночам от них не было спасения.

Пока я шагала туда и сюда, ощущала взгляд Олега, который измерял мой зад и прочие привлекательные места.

Было бы удивительно, не смотри он на меня так именно сейчас. Ведь я еще не приняла предсонный душ и благоухала всеми запахами радуги.

Мой возраст в данной ситуации не играл роли для нормальных людей, думающих о потребностях тела, а не о законах, писанных непонятно кем.

– ...Просто, глядя на твои, так сказать, 3D-фреймы, – продолжил Олег, когда я вернулась от окна, отодвинула стул и села, опять закинув ногу на ногу. – Можно дать тебе все восемнадцать.

– Сейчас столько не дают, – глупо ответила я фразой из какого-то анекдота. – И не обо мне речь.

Олег кивнул, повернул на блюде свою чашку.

Влево, потом вправо, потом еще раз влево.

– Почему ты дурак и зачем ушел из универа?

– Не из универа, из авиационного института, – поправил он. – Ушел, можно сказать, в полукриминальный Ай-Ти-бизнес, который сулил золотые горы.

– Сделался хакером и стал грабить банки? – с надеждой уточнила я и расстегнула две верхних пуговицы на платье. – Я тебя уважаю.

Если это было так, я не могла терять времени и упускать свои шансы.

Маме от Олега требовались только постельные услуги, ничто иное при космической глупости ее не интересовало.

Но если ее нынешний избранец в самом деле был успешным интернет-мошенником, мне следовало брать быка за рога.

То есть увести Олега от мамы – предоставив место рядом с ней какому-нибудь очередному грузчику или шоферу – а самой жить с ним и его деньгами.

Грудь, которую я ненавязчиво пыталась показать, говорила, что при желании я смогу вить из него веревки и завязывать морским узлом «голова турка».

– Если бы, – Олег грустно покривился. – Итить-колотить, заткнуть...

Он проглотил следующие слова, но я все поняла.

– Если бы я грабил банки, мы бы с тобой сейчас не сидели в насквозь прогнившем бараке дохрущевских времен с чаем «Ахмад» и несладким сахаром.

– А почему не грабил? – поинтересовалась я, почувство-

вав, как мгновенно тает мгновенно возникший воздушный замок. – Из соображений морали?

– Моралью живут только наследные миллионеры.

Олег потряс головой из стороны в сторону.

– Просто в те времена еще не существовало реальной банковской сети с картами, привязанными к счету, куда можно мгновенно слить деньги без захода в банк, а потом снять в банкомате, надев на лицо шлем из секс-шопа. Да и вообще, российский интернет был в полузачаточном состоянии. Хакнуть иностранный банк я бы, конечно, мог – но толку? Все равно денег было не получить.

– Так чем же полукриминальным ты занимался? – я все-таки уточнила, не теряя надежд.

– Ты знаешь, что такое налоги?

– В общем да. Хотя, ясное дело, тема меня пока не касается.

– И дай бог, чтобы не коснулась... Так вот, любой нормальный бизнесмен в любой стране уклоняется от уплаты налогов, потому что не хочет кормить своими доходами те госструктуры, от которых не имеет пользы.

– Да, слышала о таком. Всякая там полиция, парламенты, прочие болтуны, от которых ничего нет.

– Точно. Так вот, существуют разные способы утаивания прибыли, это сейчас неважно.

– Неважно, да, – согласилась я. – Этот вопрос оставим. Чем занимался конкретно ты?

– В любом российском предприятии имелась двойная бухгалтерия. Одна фальшивая «белая» – для отчетов и налоговых деклараций, чтобы показать минимальную неубыточность. А вторая настоящая, «черная», там шли реальные денежные потоки и реальные показатели. Бухгалтерии велись на разных дисках, друг с другом не имели связи. Так было всегда и так будет. В девяностые черная бухгалтерия регулярно копировалась на съемный носитель, хранилась дома или еще в каком-то месте, у хозяина или доверенного лица...

Олег рассказывал увлеченно.

Я поняла, что все это он знал хорошо.

– ... Ясное дело, вести дела в уме, не пользуясь черной бухгалтерией на рабочем компьютере, не может никто. Поэтому в ней и работали, белую подделывали для отчетности. Но существовала такая организация – «налоговая полиция».

– О такой даже не слышала, – сказала я.

– И не слышь никогда, здоровее будешь, Это были такие сытые уёбки с автоматами, они в любой момент могли ворваться в любой офис, поставить всех лицом к стенке руки за голову и забрать компьютеры. Или просто вытащить диски, у себя открыть. Потом кого-то оштрафовать или даже арестовать и отдать под суд. Или могли потребовать взятку, чтобы якобы ничего не найти. Налоговые полицейские были беспредельщиками.

– Жуть, – согласилась я.

– Именно что жуть. Впрочем, сама жизнь в России – это

жуть.

Я переложила ноги по-другому.

Будущий мамин муж не обратил на это внимания, он весь был в своих невеселых воспоминаниях.

– Так вот, в те времена было разработано экстренное средство, которое позволяло спасти фирму при налете налоговой полиции.

– Какое?

– Ты представляешь, как работает автомобильная сигнализация?

– Ну... – я пожала плечами. – Примерно. Видела со стороны. Нажал кнопку – фары мигнули.

– Правильно понимаешь. Так вот, принцип тот же самый. В компьютер устанавливается блок сигнализации, но по сигналу с брелока не мигают фары, а выполняется команда форматирования жесткого диска, которая уничтожает всю информацию. Ясное дело, пропадут результаты одного дня, но это лучше, чем угодить в тюрьму.

– Здорово было придумано, – согласилась я.

– Точно, что здорово. Брелок лежал в кармане у доверенного лица, при налете он нажимал кнопку и запускал «*Формат С*». Винчестеры тогда были максимум трехгиговые, процесс занимал очень мало времени, успевало стереться все. Налоговые опричники знали про систему, но вмешать ничего не могли, потому что хозяин фирмы имел право на свои причуды. Главное, что они ничего не находили.

– И ты этим занимался?

– Мы занимались этим вдвоем с одноклассником. Он находил клиентуру, я обеспечивал техническую часть. Это, конечно, не бином Ньютона, но тем не менее и не совсем уж дважды два. Имелись некоторые тонкости и сложности. Компьютеров в фирме могло стоять штук десять, требовалось согласовать все блоки с одним брелком, но так, чтобы они не сработали от чьего-то чужого. Мгновенный запуск форматирования тоже не так прост. Ты ведь работаешь на компе?

– А как ты думаешь? Сейчас можно не уметь писать, но без компа никак.

– Так вот. Ты же знаешь, что служебные команды требуют закрытия всех работающих программ с запросом на сохранение-не сохранение данных, само форматирование тоже открывает диалог, требующий подтверждения.

– Ну да, примерно поняла.

– Так вот, в экстренной ситуации форматировать диск приходилось не командным, а аппаратным способом.

– Это как?

– Замыканием двадцать второго и двадцать третьего прерываний процессора. Нужно было влезть в мамку – ну, то есть, в материнскую плату – и подвести шлейф от блока к сокету, но сделать это квалифицированно, чтобы камень не сгорел. Работа была тонкая, мы делали по высшему разряду и деньги нам платили немалые.

– Здорово. А это было опасно?

– Ну как сказать... – Олег повел плечами. – Мы в России, Танька, а это страна не для людей, нормально жить тут невозможно. Или пидараситься за копейки, или рисковать. А дальше все зависит от масштаба. Украл три рубля – угодили в тюрьму. Украл три миллиарда – стал губернатором области.

– Круть, – подтвердила я.

– На самом деле моя работа была хуже, чем ограбление банков. Я не грабил кого-то по отдельности, я не давал качать налоги из бизнеса и был врагом государства.

– Врагом государства?

– Да, – он кивнул. – По сути государственным преступником. Но ты спрашивала меня про мораль. Так вот, я о том ни капли не жалею.

– Ни капли? – переспросила я.

Кажется, Олег в своем отношении к окружающему миру был сходен со мной.

– Нет. Потому что если бы деньги, утаенные с моей помощью, пошли в бюджет, они бы все равно никому не принесли пользы.

– Никому?

– Никому. На них бы не построили жилье, чтобы бесплатно расселить в человеческие условия вот эту клоаку.

Олег обвел руками вокруг себя.

Название, данное нашему дому, где всегда слоился желе-

зистый запах самогона, варимого на втором этаже, показалось мне точным.

– И с их помощью не увеличили бы пенсию таким, как ты – несчастным, потерявшим в детстве отцов.

Я открыла рот и тут же закрыла.

Мамина глупость не была беспредельной. Своим кавалерам она не признавалась, что ее бывший супруг жив-здоров и отбывает срок за убийство.

Впрочем, я тоже говорила, что отец умер; в школе в это верили все.

– Эти деньги пошли бы на зарплату какой-нибудь московской сволочи, заседающей в Госдуме... или что было в те времена, уже не помню.

Вздохнув, Олег посмотрел на меня, но явно видел что-то другое.

– И если повторить все опять, я поступал бы точно так же, не испытывая капли угрызений.

Я кивнула.

Нынешний разговор неожиданно ушел в очень темные глубины – или поднялся в какие-то очень черные высоты.

Прежде мы с Олегом обсуждали фильмы, которые он смотрел по телевизору, а я – кое-как на своем тормозном компьютере.

– Хотя на самом деле так я рассуждаю сейчас. А тогда был просто дурак, радующийся тому, что своим умом и умением могу что-то заработать и тем жить

– И ты жил, не думая о том, что надо получить диплом института? – уточнила я.

– Правильно догадалась. Лилась золотая река и она казалась вечной. Потому что бизнесменов становилось все больше, а налоговики зверели все сильнее. Но потом...

Олег замолчал, словно предчувствуя, что сейчас нас прервут и не стоит продолжать рассказ.

Так и случилось, в кармане его клетчатой рубашки зазвонил телефон.

Он вынул девайс, взглянул на меня и приложил палец к губам.

Этого можно было не делать: я знала, что звонит мама, больше Олегу никто не звонил.

– Да, все нормально, – ответил он. – Таня спит, я смотрю телевизор без звука...

Наши посиделки на кухне были невиннее некуда, но мама ревновала Олега ко мне чем дальше, тем сильнее.

При том она имела безлимитный тариф, в случае отсутствия посетителей ночные разговоры с будущим мужем могла вести часами.

После них Олег как-то замыкался и без охоты возобновлял прерванную беседу.

Да и мне хотелось спать.

Мы понимали друг друга.

Бесшумно встав со стула, он помахал мне рукой и на цыпочках вышел из кухни, без звука затворил за собой дверь

комнаты.

Пока Олег крался, я слышала неразборчивый мамин голос в наушнике его телефона.

Прежде, чем исчезнуть, он зажал пальцем микрофон смартфона и сказал:

– И помни, Танька...

Мама что-то мурмулила, ее голос невнятно булькал в наушнике.

– Жизнь – это не то, что есть, а то, что кажется.

Я встала и плотно закрыла кухонную дверь.

Теперь, стараясь не греметь, я могла помыть чашки, разложить свое кресло-кровать и идти в душ.

Этот разговор что-то всколыхнул в моем сознании.

Я еще сильнее поняла, что приложу все силы, лишь бы вырваться из нынешней гробницы.

Глава третья

1

В школе мне давно стало скучно.

Одноклассники жили на подростковом уровне, их не заботили взрослые заботы. А я думала о том, как устроить жизнь по-другому.

Причем сейчас я поняла это гораздо сильнее, чем прежде.

Мне как-то вдруг надоело вчерашнее и захотелось переключиться в завтра, минуя «сегодня», не несущее радостей.

Почему так почувствовалось ни с того, ни с сего, я сама не знала.

Съездив с Ведьмочкой к дяде Коле, я не нашла ничего нового, равно как ничего и не потеряла.

Двести пятьдесят рублей лишними не были. Но и погоды они не делали: даже если бы я зарабатывала такую сумму каждый день, ее бы все равно не хватило на нормальную жизнь.

Но... что-то сдвинулось во мне.

Я не смогла бы этого объяснить, но то было так.

Однако в моей жизни – каковой являлась остобрыдшая школа – не менялось ничто вообще.

Райка ничем не проявлялась, делала вид, что не было ни-

чего.

Я понимала причины.

К дяде Коле она позвала меня накануне вечером, когда не вовремя растеклась Моделька.

Почему она не обратилась к кому-то другой, я не имела понятия.

Скорее всего, причина была потому, что мы столкнулись на выходе из школы в тот момент, когда Ведьма узнала о неработоспособности своей напарницы.

Вероятно, Модельку она ущемляла только так, разводила перед ней философию – и та безропотно позволяла недоплачивать за работу.

Со мной фокус не прошел. Он просто-таки не мог пройти.

Однако я вдруг задумалась над отношениями, которые раньше не волновали.

Я поняла, что в Райке нечто нехорошее. Мне совершенно неясное, но что-то такое, с чем не хотелось бы знакомиться всерьез.

Иметь ее подружкой я никогда не хотела и в общем ее сторонилась.

Впрочем, сторонилась я всех, одноклассников я давно переросла.

Сейчас Ведьма изо всех сил показывала, что тот визит для меня был случайным и больше такого не повторится.

А я чем дальше, тем больше понимала, что хочу опять попасть к дяде Коле.

Точнее, мне нужно было оказаться там еще раз и разобраться в себе самой, по возможности, не торопясь.

На самом деле ублажать старика видом своего голого тела мне не понравилось.

Я была НикитОй, а НикитА была кем угодно, только не проституткой.

Проститутка давала – я хотела брать.

Да и вообще, такая работа означала получать по крупяцам, а это было не по мне.

Я предпочла бы один раз кого-то убить и ограбить, а потом жить спокойно, чем изо дня в день иметь понемногу.

Убивать и грабить я бы вряд ли когда-нибудь собралась, но все равно хотела чего-то нового.

Разговор с Олегом, во время которого = что-то на миг всколыхнулось, оказал свое действие.

Я, конечно, ни при каких условиях не стала бы отбивать его у мамы. Мысль, пришедшая в голову на зашторенной кухне, мелькнула лишь на миг.

Про таких женщин, как моя мама, мужчины говорят, что она «слаба на передок». При неприятной грубости слова были стопроцентно верными.

Маму всю жизнь вело тело, в итоге оно не могло привести ни к чему хорошему.

Из всех ее вариантов Олег был самым лучшим.

Женив его на себе, мама, возможно, могла уgomониться и перестроиться.

Иначе ей предстояло падение вниз – причем чем дальше, тем круче.

Олег был ее последним шансом.

А моим шансом – хоть и не последним – вдруг показался дядя Коля.

Сформулировать четко, почему это так, я не могла. Но поняла, что мне надо побывать у него еще раз.

Причем без всяких «напарниц», которые подружками не были.

Задача представляла трудность.

К дяде Коле меня везла Ведьма. Я ехала, ни о чем не думая, не знала адреса, не обратила внимания на номер маршрутки, не расслышала названия остановки.

Если бы я намеревалась прийти туда еще раз, запомнила бы каждый поворот – а так все казалось случайным и я не смотрела по сторонам.

Меня волновало лишь не поставить зацепку на свою роскошную Габриэлу, остальное лежало за кадром.

В памяти остался только высокий дом – и то лишь потому, что в квартале такой был один. А сам квартал я бы не нашла даже с собакой.

Ведь даже грузин, который разменял нам пятьсот рублей на четыре сотни и две пятидесятки, не принуждая что-то покупать, лишь полюбовавшись на мою фальшивую резинку, ничего не решал. Таких в нашем городе было полно и все казались одинаковыми.

По любому мне не оставалось ничего, как опять связаться с Ведьмой.

2

Когда требовалось, я умела включать дурочку.

Выждав неделю, я подошла к Райке на большой перемене, сделала безразличное лицо и бросила невзначай:

– Ну, и как дела?

– И тебе не болеть, – неприязненно ответила одноклассница.

Было ясно, что она все прекрасно помнит.

Все детали нашего похода и те пятьдесят рублей, которые не простит никогда.

– Когда поедем к дяде Коле?

– К какому дяде Толе? – быстро спросила Ведьма, хлопнув ресницами.

– Не к Толе, а к Коле, – очень спокойно поправила я. – К бывшему генералу, к которому мы с тобой ездили в тот вторник.

– Ты чего-то путаешь, Никитка, – сказала она, глядя мне в глаза с бесстыжей ложью. – Тебя, наверно, новый муж твоей мамочки с утра перевозбудил.

Слова о мамочке я проглотила: момент не подходил для выяснения отношений.

Меня лишь удивило, откуда она знает подробности моей жизни.

– На тебя он даже не взглянет, – равнодушно огрызнулась

я. – А я не Никитка, а НикитА и пошла ты в задницу.

Развернувшись на месте, как трактор, я пошла прочь.

– Как бы тебе самой в то место кое-что не вошло, – донеслось вслед.

– По части задницы – это ты у нас мастер, пизда нетраханная, – остановившись на пять секунд, ответила я. – А у меня есть передница.

По тому, как вспыхнуло Райкино лицо, я поняла, что случайный удар попал в точку.

Я слышала от парней, что девчонки, которым хочется и того и другого, но замуж пойти девственницей, активно занимаются ненормальным сексом. Они получают нешуточное удовольствие, но стесняются своих пристрастий.

Сама я подобных не знала, думала, что они существуют где-то далеко.

Видно, Ведьма была из таких, это объясняло ее стервозность.

Она что-то прошипела в ответ, но я не слушала, разговор был исчерпан.

Я поняла, что Райка считает меня такой же бессловесной куклой, как и Анька-Моделька.

Но едва я показала зубы, она поняла свою ошибку и теперь кусала локти.

Ее угрозы я не восприняла всерьез.

Но когда в конце большой перемены все собрались у запертого кабинета биологии, я взглянула на природу вещей

с другой стороны.

В нашем десятом классе все давно представляли, что к чему, сейчас в толпе шло неприличное – хоть и безобидное – действие.

Мальчишки приставали к девчонкам, хватали их за разные места – те отбивались со смехом и было ясно, что обеим сторонам одинаково приятно.

Ведьма стояла в стороне от всех в полном одиночестве, что-то молча наткивала ногтем на смартфоне, и ее никто не трогал.

Это могло иметь объяснение, будь она корягой.

Но Райка имела приятную внешность.

Только сейчас – после обмена уничтожающими репликами – я отметила, что кожа у нее почти такая же чистая, как и у меня. Это подтверждало мои догадки: она тоже получала все нужное.

Будучи почти такой же красивой, Ведьма плюс к тому хорошо одевалась, поскольку жила в полной семье с приличными родителями.

Если у меня имелись единственные эротичные колготки «на выход», то она меняла дорогой эластик только так – появлялась то в черном, то в белом, а то в нежнейшем восмиденовом.

К тому же Ведьмины ноги были красивее моих.

Я умела здраво смотреть на вещи, факт являлся истиной.

Мои нижние конечности превышали все похвалы,

но у Райки они были и длиннее и ровнее и наполненнее в области икры и глаже круглились в коленках.

Однако нескромных знаков внимания ей не уделяли.

Отметив это сейчас, я как-то резко вспомнила, что однажды – еще осенью – подслушала разговор мальчишек. Они стояли на площадке верхнего этажа и громко обсуждали девчонок, а я поднималась по лестнице и они меня не видели.

Обсуждатели были из числа познавших все тайны отношений между мужчинами и женщинами. Услышав тему, я остановилась на предыдущем этаже: парни меня не интересовали, но их взгляд казался любопытным.

Ничего нового для себя я не услышала, зато получила конкретную информацию.

Один из самых отвязных парней сетовал, что он давно бы *«отымел Райку-Ведьмачку во все места и всеми способами»*, но ее никому не рекомендует трогать даже пальцем. По его словам, обычная с виду девчонка водила дружбу с полностью отмороженными людьми, едва не уголовниками.

Парень сказал, что сам однажды попытался пристать к ней в физкультурной раздевалке, да помешал не вовремя зашедший физрук. А на следующий день после уроков в нему на улице подошел такой тип и сказал такие слова, что теперь он на Ведьму опасается даже лишний раз взглянуть.

Сейчас это вспомнилось и стало понятно, почему она угрожает мне через каждое слово.

Я, разумеется, ни капли не испугалась, потому что жесто-

кие разборки шли между парнями, а я была девчонкой.

Однако я все-таки подумала, что от Райки стоит отступить: если она верила в свою неприкосновенность, то вряд ли ее можно было переломить.

Генеральского дядю Колю она, похоже, считала своей монополией и делиться не собиралась.

Но своим упорством Ведьма разожгла мой напор.

Если до попытки договориться я плавала в непонятностях, то теперь четко поняла, что хочу еще раз попасть к дяде Коле и сделаю это во что бы то ни стало.

Умея расставлять точки и запятые, я пришла к выводу, что поехать туда с Райкой не суждено, но я могу выяснить адрес и явиться без договоренности.

Разумеется, при таком варианте мне предстояло врать, но врать я умела – врала, как писала: моя жизнь, мягко говоря, не сильно склоняла к правде.

И еще до звонка на урок я принялась размышлять.

Если в прошлый вторник я заменяла лупоглазую дуру Аньку, то та уже бывала на точке.

Дяди Колин адрес стоило выяснить у нее.

Подумав о том, я подумала, что я – еще бОльшая дура, чем Моделька.

Я полезла на рожон, стала навязывать компанию Ведьме, хотя на обратном пути от дяди Коли мы с ней поговорили очень нехорошо.

Я усложнила себе все на свете, когда можно было просто

тихо-мирно выяснить адрес у Аньки. Это бы не стоило вообще ничего.

Если Райка не блистала титаникой мысли – извилины заменяла наглостью – то ее подружка была глупа, как пробка. Все крошки ее ума ушли в двухметровые ноги.

Иногда мне казалось, что Моделька глупее моей мамы – хотя условия для развития интеллекта в наши компьютерные дни были гораздо лучше, чем у родителей.

Стоило подумать о лупоглазой дуре, как она появилась в конце коридора.

Анька вышагивала рядом с запоздавшей биологиней и ноги ее начинались выше, чем покачивалась пустая голова.

Глядя на кукольный шаг – уместный лишь на подиуме – я отметила, что к ногастой кукле тоже никто никогда не пристает. Видимо, ее хранила невидимая тень Ведьмы.

Но я не собиралась щупать Анькины девственные коленки, мне нужно было лишь вытрясти из нее дяди Колин адрес.

Для осуществления операции требовалось выбрать момент, когда Ведьмочки не окажется рядом и Моделька станет беззащитной.

Настоящая НикитА умела ждать, я брала с нее пример.

3

Ждать пришлось долго: остаток этого дня, следующий и начало чересследующего.

Райка и Анька везде ходили вместе. Похоже, они идеально нашли друг друга: Ведьма нуждалась в объекте для помыкания, Моделька не могла существовать сама по себе и с удовольствием таскалась за ней, как собачонка.

Разъединить их не представлялось возможности.

Они сидели за одной партой, вместе прогуливались во время перемен, вместе спускались в буфет и даже в туалет ходили на пару.

Я не имела понятия, кто из них где живет. Но, должно быть, они имели место встреч неподалеку, потому что к началу уроков появлялись вместе, вечером исчезали тоже вдвоем.

Но я не теряла упорства, на переменах старалась вертеться поблизости в надежде, что одну из них может пробить на нечто полезное для меня.

Ведь месячные у них начинались не синхронно, что и привело меня на нынешний путь.

И мне повезло.

Через день в начале большой перемены Ведьме кто-то позвонил.

Шлюшки-подружки стояли в очереди к буфету, я при-

строилась через одного человека за ними.

Сама я в буфет никогда не ходила по причине отсутствия денег: выдаваемых мамой «карманных» едва хватало на замену порванных колготок. Но сейчас мне пришлось не отставать, я рассчитывала на какую-нибудь дешевую минеральную воду.

Они стояли и перешушукивались, когда ожил мобильник в кармане Райкиного кардигана.

Реакция на завывание рингтона показалась необычной: Ведьма выхватила телефон поспешно и заговорила с необычными, грубыми интонациями.

– Да Децел! – услышала я. – Слушаю, говори.

Прежде, чем слушать, одноклассница оглянулась по сторонам, хотя никого чужого тут не было.

Начав отвечать, она понизила голос, заговорила невнятно, я ничего не разобрала.

Но перед тем, как дать отбой, Ведьма произнесла громко – видимо, забывшись:

– Счас выйду! Забили, на старом.

И, обернувшись к Модельке, которая стояла молча, как бревно с глазами, сказала обычным тоном:

– Мне надо отойти. Если не успею на химию, наври что-нибудь.

Из этой сцены я поняла две вещи.

Райке позвонил кто-то из ее дружков-уголовников. Это было первым.

Безмозглая Анька к этой компании не относилась, ее круг не выходил за пределы школы – это было вторым.

Достоявшись и взяв желтый чай, который оказался дешевле минералки, я под села к Модельке, жующей «Чоконай», и сказала:

– Дай адрес дяди Коли.

Слова типа «*пожалуйста*» и пояснения причин в разговоре с этой пустоголовой куклой не требовались.

Ее стоило бить в пластмассовый лоб и слышать звук в ответ.

– Чьего дяди? – мелодично спросила дура-Анька.

Если бы не ошеломительная глупизна, голос казался бы ангельским.

Должно быть, ей предстояло стать женой нового русского, которому требовался не ум, а ходячая вешалка для платьев от Кардена.

– Ничьего, – ответила я. – К которому ты едешь с Ведьмой, а неделю назад я замещала тебя.

– Зачем?

– Что «зачем»?

Я уточнила спокойно, мне требовался результат.

– Зачем я к нему езжу?

– Затем, чтобы Ведьма лизала тебе сиськи, а он этим любовался, – чуть понизив голос, сказала я.

– А, этот... вспомнила, – Анькины глупые глаза смотрели невинно. – Не она мне, а я ей...

– Неважно, – перебила я, теряя терпение. – Короче, какой у него адрес?

– Понятия не имею, – пропела Моделька таким тоном, каким отвечают на вопрос о том, куда исчезли деньги с семейного счета. – Мы туда ездим с Раей, она меня ведет, я не помню местности.

– Ясно с тобой, – я вздохнула. – Убила бы прямо сейчас, но ты мне еще нужна. Часто вы к нему ездите?

– Редко. Он нас даже пускает в квартиру. Дает деньги за просто так и выгоняет.

– Когда поедете в следующий раз?

– Не знаю.

– А как узнаешь?

– Никак. Рая сама решит.

– А вообще часто к кому-нибудь... так ездите?

– Часто.

– Как часто?

– Каждую неделю...

Прикончив одно печенье с шоколадом, Моделька тут же распечатала второе.

У меня на такие вещи никогда не имелось денег.

– ...Раза два, а то и три.

Я помолчала.

Самым простым вариантом было следить за подружками, тайно следуя за ними.

Район, в котором жил дядя Коля, я бы узнала, сойдя

на правильной остановке.

Но на такую операцию у меня не хватало средств. Ведь за каждую холостую поездку пришлось бы платить туда и обратно.

И тогда я решилась на крайнее.

– Слушай, Анька, – беспечно сказала я. – Скажи мне, когда дядя Коля закажет вас опять, и я поеду с вами. Три лучше, чем две.

– Хорошо, – согласилась Моделька.

– Понимаешь, я в тот день потеряла кошелек, – все-таки пояснила я. – Не знаю где.

– Хорошо, – повторила одноклассница.

Очень светлые глаза ничего не выражали.

Ей было все равно.

Не допивая свой чай – который и на вид и на вкус напоминал баранью мочу – я пошла вон из буфета.

Кругом толпились парни из параллельных классов.

Кто-то походя схватил меня за грудь, я также походя отмахнулась, врезала куда-то кулаком.

Меня уже не волновали школьные проблемы.

По дороге в кабинет химии я размышляла о деталях, которые не стала уточнять.

Доверять я никому не привыкла и не исключала, что Анька-Моделька не так глупа, как кажется. Несмотря на короткие ответы, ей могло что-то прийти в голову.

Да и Ведьма в любой момент могла вернуться.

Я вспомнила, что в тот раз Райка позвала меня после уроков. Это означало, что дядя Коля звонил ей чуть раньше.

Вероятно, у них так было заведено.

Проследить за парочкой – как пришло в голову в первый момент – я тоже не могла. Ведь они отбывали по вызову не из школы после уроков, а утром, встретившись где-то в городе.

Но остановку, с которой мы поехали к дяде Коле, я помнила.

Мне следовало дожждаться оповещения от Модельки, а потом ждать их там с утра. Время отъезда я запомнила, а вид старика и порядок в квартире говорили, что точности привычек он не меняет.

Разумеется, я не собиралась ехать вместе с ними.

Требовалось лишь знать, что они едут именно туда, и тайно сесть на хвост.

Я не сомневалась, что сумею это сделать.

При этом следовало надеяться, что Анька-Моделька не проговорится Райке о моей просьбе.

А также – что просьбу эта дура не забудет.

4

Как на странно, Анька не проговорилась и просьбу не забыла.

Но во времени она ориентировалась слабовато: «редко» у нее оказалось опять во вторник – через две недели, хоть мне это казалось часто.

Дядя Коля позвонил Ведьме в понедельник, ровно в двенадцать часов.

Точнее, не позвонил, а отправил СМС.

Оно пришло в разгар урока литературы, когда учительница с восторгом рассказывала о письме Татьяны к Онегину, а я думала, как досадно, что моя тезка – такая дура.

Мартышки сидели в соседнем ряду на две парты впереди меня. Я слышала, как пискнуло в Райкином кардигане, увидела, как она достала смартфон, сунула Аньке под нос и обе кивнули.

Подтверждая мою надежду, в перемену Моделька прошла мимо и бросила:

– Завтра.

На самом деле я удивилась: в данный момент лупоглазая овца вела себя как моя сообщница.

Но потом я подумала, что между ней и Ведьмой все не так шоколадно, как кажется со стороны.

А я со стороны, вероятно, казалась непростой – и Мо-

делька не хотела ссориться ни с одной из нас, проскользнула сдержанно мимо двух огней.

Времени она не сообщила: то ли побоялась задержаться еще на пять секунд, то ли просто не сообразила. Меня это не волновало, я уже выработала план действий.

Вечером, пока будущие супруги пили чай на кухне, я порылась в мамином шкафу и нашла старый черный парик, в котором становилась неузнаваемой.

Моя нищенская серая куртка была единственной в городе, я позаимствовала белую мамину, которая висела без движения.

Все это я спрятала в пластиковый пакет, чтобы утром выскользнуть из дома и надеть на лестнице камуфляж.

Мама ничего не заметила, свобода моих передвижений в дневное время не ограничивалась, все должно было получиться.

На остановку я пришла не совсем уж чуть свет, но все-таки раньше, чем одноклассницы могли ехать по вызову. Вряд ли дядя Коля заказал их к завтраку: в прошлый раз я вернулась из поездки к самому уходу в школу.

Ждать в павильоне на скамейке я не стала: при всей маскировке вблизи меня можно было узнать.

Я отошла к киоску «*Роспечати*», чтобы при появлении этих двух мгновенно отвернуться к журналам. Со спины я была, однозначно, неузнаваемой.

Ведь помимо белой куртки и черных искусственных волос я надела старые балетки и казалась ниже ростом.

Но при всем том грозила опасность раскрытия, определенная независимо от меня.

Если бы Райка с Анькой сели в «*Газель*», где все стояли друг у друга на головах, шансов не оставалось. Ехать в одной коробке с ними я бы не смогла.

Но судьба вела меня к дяде Коле мимо препятствий.

Когда парочка появилась из-за ближнего дома, к остановке медленно, словно опасаясь развалиться, подкатил большой «*ЛАЗ*».

С ним повезло еще сильнее.

Дворовой проезд выходил к началу остановки. Нарушая все порядки, Ведьма ринулась в автобус через переднюю

дверь.

При Моделькиных ногах любой водитель посадил бы двух маленьких шлюх хоть к себе на колени.

На самом деле Анькины ноги были не красивыми, а просто длинными, но мужчины – все как один – теряли от них голову.

Я спокойно дождалась, когда закончится высадка и начнется посадка – законно скользнула в заднюю дверь и очень удачно села на последний диван.

Одноклассницы заняли передние места, предназначенные для беременных инвалидов, сидели ко мне спиной и всю дорогу переругивались.

Слов я не слышала: у водителя бухал рэп – но им было не до меня.

Ведьма, конечно, оставалась истинной ведьмой, она не могла не ссориться даже со своей лучшей бессловесной подругой.

Автобус был ужасный – прокуренный, разбитый, провалявшийся мочой, которую водитель спускал на конечной прямо из салона – хвост трясло так, что меня тошнило и я едва вынесла дорогу.

В тот раз я все-таки боялась, что незнакомый старик начнет меня грубо домогаться, и время скользило мимо.

А сейчас оно тянулось и тянулось; казалось, что мы не приедем никогда.

Дядя Коля жил на противоположном краю города, здесь

все выглядело незнакомым. Я встрепелулась и почти побегала, когда одноклассницы снялись на выход.

Я осторожно шла следом и на углу квартала узнала грузина у «газельного» ларька, где мы меняли дяди Колины полтысячи.

Увидев девок, он радостно замахал руками. Анькины ноги вышибли разум и из него.

На меня грузинец даже не взглянул: в нынешнем прикиде я была похожа на кого угодно, только не на привлекательную женщину.

Все пошло в тему, дальше я могла найти дорогу сама и осталась на полквартала.

Развернуться и ехать обратно я не могла по той причине, что точечный дом был замкнут на домофонный замок. А я не знала номер дяди Колиной квартиры и даже не запомнила этаж.

Я понимала, что в крайнем случае можно проникнуть в подъезд обманным способом, пройти все этажи и найти нужный по кофейной банке, куда стряхивал пепел нищелоброд в «трениках».

Но все-таки лучше было подсмотреть, как Ведьма нажимает кнопки на панели, и ломиться конкретно.

Как назло, район в этот час оказался безлюдным. К дяди Колиному дому прощмандовки подошли в одиночестве, двор был пустым, укрытий в виде деревьев не имелось.

Приблизиться и стоять я не могла, поэтому очень медлен-

но пошла мимо.

Я обладала орлиным зрением, могла увидеть спичку на дороге с девятого этажа.

Две щёлки сумели создать на крыльце толпу, загородили все плечами и ногами, но я поняла, что Ведьма нажала на домофоне одну и ту же кнопку два раза подряд.

Это означало, что мне придется перебрать номера 11, 22, 33 и так далее до неизвестно какого.

Задача в общем решилась.

Я пошла обратно на остановку, чтобы приехать сюда завтра утром.

Глава четвертая

1

В шестнадцатипятиэтажном одноподъездном доме было шестьдесят четыре квартиры: это я поняла, посмотрев синюю табличку над дверью.

Получалось, что перебирать предстояло не так уж и много.

11-ю квартиру я нажала чисто из любви к порядку. Две недели назад я расправила и подтянула свои улетные колготки в лифте – по дороге на третий этаж на это не хватило бы времени.

К тому же там никто не откликнулся.

В 22-й отозвался женский голос, который я сразу сбросила. Женщины мне не были нужны.

В 33-й и 44-й оказалось пусто. Видимо, их молодые хозяйки были на работе.

Мне осталась последняя из возможных – пятьдесят пятая.

Я сделала паузу и подсчитала, что она на четырнадцатом этаже. Это походило на правду: с Ведьмой мы ехали долго.

Если и там ожидал облом, то означало, что дяди Коли нет дома и в этот день все напрасно.

Могло быть и хуже: если я ошиблась и на самом де-

ле Райка нажимала разные кнопки, то поиски расширились до невозможности.

Но мне все-таки повезло.

В 55-й, хоть и не сразу, приняли вызов.

– Дядя... Коля... – теряя уверенность, выдавила я. – Это...

– Кто это?

В голосе не было раздражения, он звучал устало и почти равнодушно, но как-то очень по-мужски..

– Это я...

Я замолчала.

При всей глубине подготовки я забыла решить заранее, что именно сказать.

Но врать я умела и соображала быстро.

– ...Я, Аня!

Я перевела дух.

– Мы с подругой у вас были. Я, кажется, оставила заколку. Можно посмотреть?

– Ну входи, – помолчав, согласился невидимый дядя Коля. – Посмотреть можно всегда.

Щелкнул электрический замок, дверь отворилась на сантиметр.

Она двигалась медленно и бесшумно, словно хотела сказать, что впускает меня в мое будущее.

Это было смешно, но я чувствовала именно так.

В подъезд я вошла, как в пещеру чудес.

В тот раз я слегка трусила. Сейчас шла уверенно, зная цель и все замечая.

Дяди Костин дом был средним. Не таким бомжовским, как наш, но и не элитарным – с цветами на окнах и диванчиками у лифта, где мне тоже приходилось бывать.

Тут все было обычно: в меру чисто, в меру ободрано.

Наркоманы не расписали стены из баллончиков, но на синей притолоке лифтовой двери чернела короткая фраза, сделанная маркером.

Она утверждала, что некий человек является пассивным гомосексуалистом. Две средние буквы фамилии были размазаны, но я поняла, что речь идет о нынешнем президенте.

Сам лифт не работал. Красная кнопка тупо горела на панели, из шахты не слышалось ни звука, не веяло ветерком.

Я завернула на «*пожарную*» лестницу и не спеша пошла вверх.

Мои уши слышали все, что можно в многоквартирном доме: плач детей за дверьми, осторожное тьявканье собак, редкие голоса, доносящиеся не пойми откуда.

Мой нос ощущал все запахи, я принюхивалась туда и сюда, как крадущаяся кошка.

Пахло курицей, жаренной с чесноком, дешевыми пельменями из «*Полушки*», отдушкой от стирального порошка, еще чем-то – но варящимся самогоном не несло. Все-таки дом был относительно приличным.

Сильнее всего воняло мусоропроводом. В нашем двух-

этажном полубараке, ясное дело, такого не имелось, этот запах был особенно неприятным.

Четырнадцатый этаж так провонял табаком, что даже мусоропровод не ощущался.

Дегрода в трениках у окна не было, но он прокурил тут стены насквозь.

На месте генерала я бы давно его убила.

2

– Разве ты Аня? – с легкой усмешкой спросил дядя Коля, впустив меня и заперев дверь.

В просторной, уютной передней было светлее, чем у нас в комнате.

Впрочем, четырнадцатый этаж позволял жить без ужасного тюля на окнах, который вгонял меня в смертную тоску.

Хозяин – в домашней куртке и домашних глаженных брюках – показался еще моложе, чем запомнился.

Высокий и очень прямой, он, несомненно, был отставным военным.

А я стояла перед ним: очень сильно, но не вульгарно накрашенная, в лучшем из лифчиков на «*пушане*» и в «*Габриэле*» под короткой юбкой – и не знала, что будет дальше.

Он молчал, рассматривал меня и непонятно улыбался.

– Я не Аня, а Таня.

Я как можно спокойнее покачала головой и подумала, что виртуозность моего вранья выше всех похвал.

Назовись именем Ведьмы, я бы сейчас была вынуждена изворачиваться.

Но из меня вылетело имя Модельки – неосознанно, чисто из нелюбви к Райке – и теперь мне приходилось не тупо врать, а лишь пояснять.

– Вам просто послышалось, домофон трещит.

– Но...

– Я была у вас не вчера, а в позапрошлый вторник, – перебила я. – Просто раньше приехать не выходило.

– Так точно, – подтвердил хозяин. – Я тебя помню. Но мне казалось, Рая называла тебя Никиткой.

– Называла, да, – я кивнула. – Потому что дура. На самом деле я не «*Никитка*», а НикитА.

– Почему НикИта? – дядя Коля удивленно вскинул брови. – Ты что, уважаешь Хрущева?

– Кто такой Хрущев? – спросила я. – И вообще не НикИта, а НикитА. С ударением на последний слог. Так звали одну девушку в фильме.

– Надо же... – он усмехнулся. – И что делала та девушка по имени НикитА?

– Ничего особенного. Просто мучилась по жизни. Ее повсякому унижали, она всех убивала. И потом жила счастливо.

– А ты уже многих убила? Или еще не счастлива?

Мы стояли в передней, глупый разговор вился непонятно куда.

– Еще никого, – ответила я. – Но если понадобится – убью.

– Убьешь?

– Кого угодно. Любого, кто встанет на дороге. Но буду счастлива.

Подобных вещей я еще никому не говорила. И даже сама о таком не задумывалась.

Но сейчас выпалила незнакомому человеку и поняла, что так оно и есть.

– Буду счастлива, – повторила я. – Любой ценой.

– Ну-ну, – сказал дядя Коля. – Известное дело. В твоём возрасте я тоже так считал.

Я промолчала.

Тишина зазвенела по углам, сдавила виски.

Я стояла в чужой передней, покачиваясь на каблуках.

Старые мамины туфли, которые я позаимствовала на такой случай, были мне как раз, но имели немодные острые носы.

И, кроме того, ссохлись и давили.

И мне стало не то чтобы неудобно, но непонятно, что делать дальше. А главное – зачем я сюда пришла.

– Ну и что, просто Таня?

Дядя Коля первым нарушил молчание.

– Где мы будем искать твою заколку?

Я пожала плечами.

– Ведь нет никакой заколки, так?

– Так, – почти с облегчением согласилась я. – Наврала я.

– А зачем?

– Ну... – я вздохнула. – Как «зачем»? Я же сказала – вчера с Райкой была другая девчонка, она всегда с ней ходит, а я приходила две недели назад. Один раз. Первый и последний.

– Но сегодня ты зачем пришла?

Дядя Коля посмотрел внимательно.

– Я ведь тебя не звал.

– Пришла... зачем-то...

Воздух из меня вышел, решимости хватило лишь на вранье про заколку.

Я переоценила свои силы.

Точнее, понимание того, чего на самом деле не понимала.

– ...Ухожу уже.

Он молчал.

– Ухожу-ухожу...

Я провела рукой по лицу, поправила спадающую челку, хотя это было все равно, отвернулась к двери.

– ...Как тут у вас открывается?

– Отставить.

Мужская рука на плече оказалась очень твердой.

– Раз уж пришла, ехала сюда, куда ворон костей не заносил.

– Ну да, ехала, – согласилась я и опять повернулась к нему.

– Ты спешишь?

– Нет. Куда мне спешить? – я усмехнулась. – Как положено говорить, у меня еще вся жизнь впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.